

Шостакович в родном эфире

Спектакль "Шум времени" Саймона Макберни не имеет отношения к мемуарной прозе Осипа Мандельштама, объединенной под этим же названием. Однако режиссер вполне мог бы взять эпиграфом к постановке слова Мандельштама: "Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени".

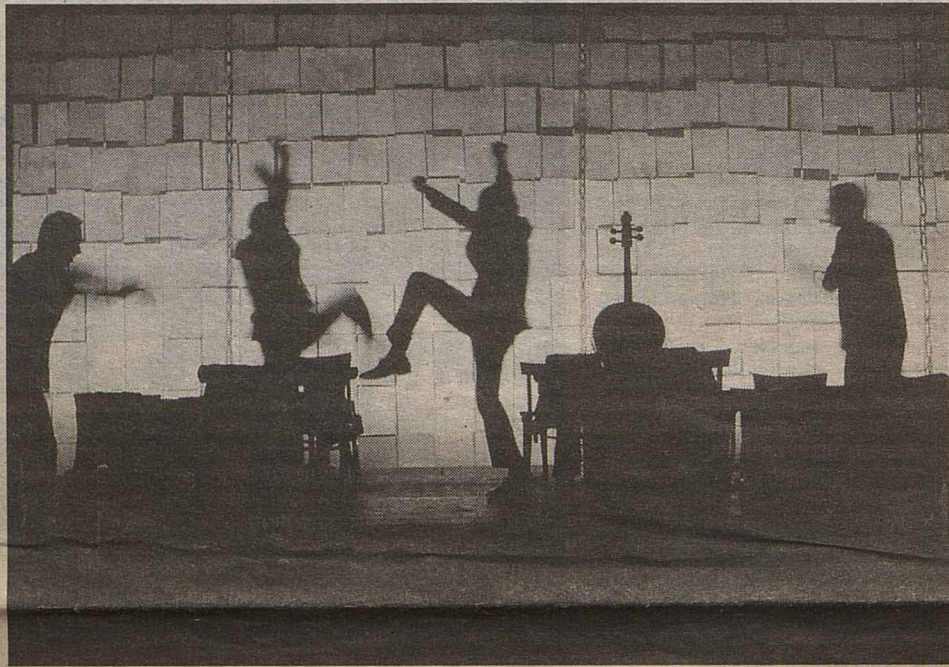
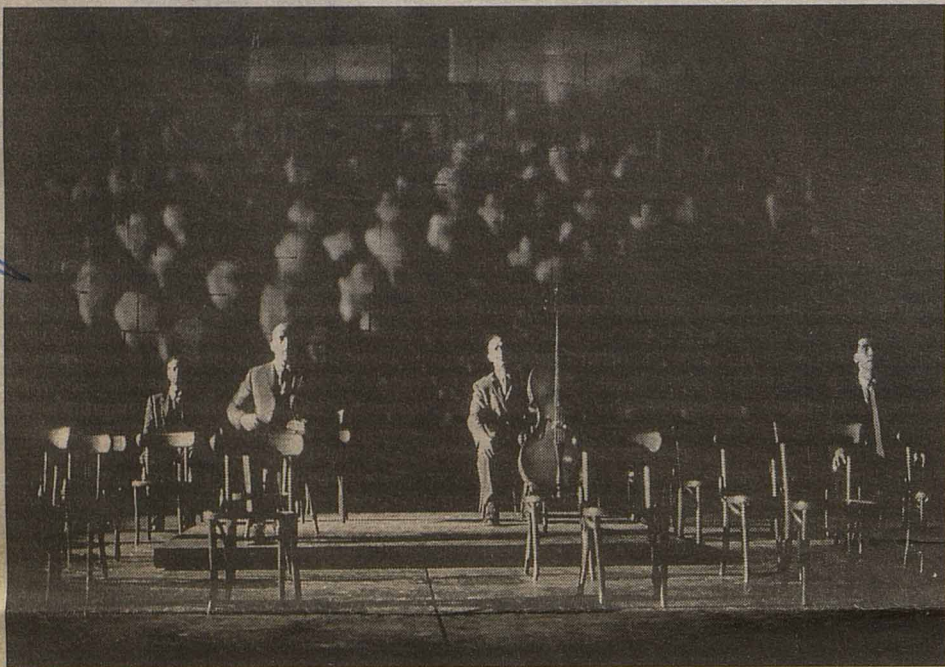
Саймон Макберни вот уже третий десяток лет возглавляет театр "Комплисите", базирующийся в Лондоне и много гастролирующий. После триумфа в Москве двенадцать лет назад спектакля "Улица крокодилов" по мотивам произведений Бруно Шульца театр показал в рамках нынешнего Чеховского фестиваля драматическое размышление о судьбе Дмитрия Дмитриевича Шостаковича (1906–1975).

Идея постановки, в основу которой было решено положить 15-й струнный квартет, написанный Шостаковичем всего за год до смерти, в 1974, принадлежит скрипачу прославленного американского "Эмерсон-квартета" Филиппу Сетзеру. Замысел спектакля, по словам Макберни, обдумывался так: "Лежа на полу в центре пустой комнаты, в каждом углу которой рас-

положился музыкант "Эмерсон-квартета" со своим инструментом, мы с братом (Джералд Макберни, соавтор спектакля, окончил Московскую Консерваторию. — М.Х.) слушали 15-й квартет".

"Шум времени" Макберни состоит из двух частей, неразделенных актом. Первая сконструирована из отрывочных фрагментов биографии

Шостаковича в манере любимой Таганки ее лучшей поры. Письмо юного Шостаковича матери, нежные слова о детях Гале и Максиме, рассказ о прогулке на лыжах и о том, как Шостакович все время падал, подробности его покаянного выступления на Съезде композиторов, исполнение 7-й симфонии в блокадном Ленинграде ("Притворившись нотной тетрадкой, / Знаменитая Ленинградка / Возвращалась в родной эфир", — писала об этом произведении Анна Ахматова, вывезшая первую его часть из осажденного города) иллюстрируются показом фотографий семейного альбома, проецируемых на занавес из листов нотной бумаги или даже на музыкальные инструменты, и перемежаются всевозможными радио-сообщениями, англо- и русскоязычными. Судьба

Саймон МАКБЕРНИ: «Я хотел создать тишину...»

В жизни актер, режиссер, руководитель театра "Комплисите" Саймон Макберни похож на хоффмановского Человека дождя: он застенчив, одет в старые, на два размера больше, джинсы и чужд официоза. Его спектакли полны поэтичных метафор, а их темой почти всегда становятся отношения человека и толпы.

— Вы начинаете спектакль "Шум времени" с мистификации: на сцену выходит человек, представляется сотрудником Би-Би-Си и предлагает зрителям три минуты посидеть в тишине, а затем громко поаплодировать, что якобы необходимо для записи спектакля на пленку. После мне рассказали, что то же самое было во время ваших недавних парижских гастролей...

— Мы делаем все, чтобы спровоцировать людей думать. А вообще, что правда, что нет — кто может отличить? Идет запись или нет, да и для чего она? Я хотел напомнить о том времени в СССР, когда всем говорили "тихо" и люди замолкали, а потом говорили "аплодируйте!" — и люди хлопали. Позже, когда в спектакле речь идет о покаянном выступлении Шостаковича на Съезде композиторов, зритель видит на сцене актеров, бездумно и радостно хлопающих, и вспоминает, что в начале спектакля и сам также бессмысленно аплодировал. Все эти ниточки действия, сплетаясь вместе, формируют ткань спектакля.

— Месяц назад на Чеховском фестивале был показан спектакль Хайнера Геббельса "Эраритжаритжака", в действие которого тоже была вплетена музыка струнного квартета. Выходит, это тенденция — делать музыку действующим лицом драматического спектакля.

— Мы живем в такое время, когда театру необязательно рассказывать историю — так живопись утратила обязанность жизнеподобия с изобретением фотографии. То же самое произошло с театром, когда появилось кино. Сегодня основой театральной постановки необязательно должна быть пьеса, облеченная в слова. Текстом может стать музыка. Нет, скорее так: текстом может стать медитация под музыку. 15-й квартет Шостаковича — очень хороший текст. Настолько хороший, что некоторые говорят: невозможно из этого сделать спектакль, это надо слушать в нейтральной обстановке, чтобы музыка сама за себя говорила — они имеют в виду концертный зал. Но ведь это совсем не нейтральная ситуация! В концертном зале вы мо-

жете, например, увидеть пот на кончике носа музыканта, вы смотрите, как одеты люди вокруг, то есть получаете много разной информации. Я же хотел создать действительно нейтральное пространство, подготавливающее нас для восприятия музыки. Хотел воссоздать тишину и темноту, из которых возникает музыка. Но когда мы слушаем, наши глаза тоже слушают, поэтому в спектакле появился экран и все эти визуальные образы. Или, например, платформа, установленная посередине сцены, на которой сидят музыканты — она ведь движется. Движется так медленно, что вы не замечаете этого, но в какой-то момент квартет оказывается почти вплотную к залу. Идея в том, что музыка начинается где-то далеко и потом приходит к вам. Это как долгий шепот в темноте — где-то далеко в туннеле, а потом все ближе, ближе.

— Почему ваш театр называется французским словом "complicité"?

— Изначально я готовился к тому, что мой театр будет больше играть во Франции, чем в Англии, а французы очень ревнивы к английским названиям. Слово "complicité" означает не только партнерство, но и противодействие. В этом есть что-то провоцирующее, противозаконное. Такие отношения возникают у наших актеров и зала — партнерские и заговорщические.

Беседовала Алла ШЕНДЕРОВА

Справка

В этом году театр "Комплисите" собирается праздновать полное десятилетие — 21 год. Своего помещения у театра в Лондоне нет, спектакли играют по всему миру: Саймон Макберни — один из основателей и художественный руководитель театра.

Среди постановок Макберни — "Мера за меру" У.Шекспира и "Кавказский меловой круг" Б.Брехта в Национальном театре, "Слон исчезает" совместно с "Сетагайя публик театром" (Япония), "Странная поэзия" в Концертном зале Уолта Диснея (США). В 1994 году, после посещения России, Макберни поставил спектакль "Из дома вышел человек" по произведениям Даниила Хармса. Он также сотрудничает в различных проектах, например, — "Карьера Артура Уи" Б.Брехта в Нью-Йорке с Аль Пачино в главной роли. А год назад Макберни собрал весь Лондон на Трафальгарской площади, устроив уличное представление "Броненосец Потемкин" и переозвучив знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна с помощью группы Pet Shop Boys.

Саймон Макберни много снимался в кино — "Эйзенштейн", "Онегин", "Кафка", "Том и Вив", "Скагерак", "Маньчжурский кандидат" и другие фильмы, а также играл в телесериалах и в своих собственных спектаклях, например роль Аздака в "Кавказском меловом круге". Автор пьесы "Мнемоник" (1999, награждена премией лондонской критики за лучшую новую пьесу).

композитора дается на фоне истории развития радио, истории распространения звука всюду, вплоть до космоса.

Четверо актеров, намеренно обезличенных, наблюдают за бегом и шумом времени. Их бесстрастное спокойствие объясняется просто — это бег и шум чужого времени: они только свидетели — не участники. Их дело — манипулировать в кромешной тьме огоньками радиоприемников, бороться с ветрами, раззывать в кульминационный момент на части виолончель, перестраивать и крушить ряды многочисленных стульев, чтобы в итоге создать из них устрашающую гору: абстрактный мемориал — памятник жертвам советского строя.

Композиция из эпизодов биографии великого Шостаковича довольно сумбурна и вряд ли добавит российскому зрителю какое-то новое знание. И тем не менее, по мысли режиссера, вторая часть спектакля — собственно исполнение 15-го квартета — проступает именно сквозь нее, вырастает из нее. Вот уж что воплощено безукоризненно, так это возникновение на сцене выдающихся музыкантов — Юджина Дракера, Филиппа Сетзера, Лоренса Даттона, Дэвида Финкеля, выплывающих откуда-то из глубин, как из небытия. На протяжении далеких от умиротворения и гармонии шести частей квартета (элегия, серенада, интермеццо, ноктюрн, похоронный марш, эпилог) исполнители будут оказываться все ближе и ближе к своим слушателям, пока последняя нота не прозвучит в полумраке на авансцене. Прозвучит ясным признанием в том, что трагическая судьба приблизилась к своему финалу. Прозвучит мощнее и зримее любых слов и иллюстраций.

Мария ХАЛИЗЕВА

• Сцены из спектакля "Шум времени"

Экран и сцена —